

СОЛДАТЫ СМЕРШ

Романы о неизвестных боях

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БОЙ С НЕВИДИМКОЙ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Бой с невидимкой / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Солдаты
СМЕРШ. Романы о неизвестных боях).

ISBN 978-5-04-201975-3

Закончилась Великая Отечественная война. Но неспокойно на Западной Украине. Недобитые бандеровцы держат в страхе многие города и села. Особо лютует отряд под предводительством некоего Перемоги. Его подчиненные действуют оперативно и слаженно, при этом никто из них не знает главаря в лицо, но очень его боятся. Обезвредить опасного врага поручено группе майора СМЕРШ с позывным Марко. Опытный контрразведчик разрабатывает план по уничтожению банды, не предполагая, как страшно удивит оперативников результат этой операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-04-201975-3

© Тамоников А. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Обычно они всегда приходили после полуночи — пришли после полуночи и на этот раз. В этом был свой резон. Ночь — лучшее время для злодейств. А они были злодеи. Народ называл их болотяныки. По местным поверьям, это была нежить, которая днем пряталась в болотах, а по ночам выходила из болот, чтобы пить людскую кровь. Так когда же им было приходиться, как не ночью? Все резонно, все логично...

Они подошли к дому, стоявшему особняком на небольшой возвышенности посреди болота. В этой местности почти все дома стояли особняком, вдалеке один от другого, и почти все они были впритык к болотам, а то и на самих болотах, заросших осокой, лозняком и ольхой. Посреди болот тут и там высились островки — где большие, где крохотные, — и на этих островках селились люди. Иной раз они селились и у края болот. Больше селиться было негде. На этих островках люди строили себе дома, здесь же теснились сараи и загоны со скотиной, здесь же ютились огороды, а если островки были большими, то на них помещались даже нивы с рожью, ячменем и гречихой.

По сути, каждый заселенный островок был самодостаточным хутором, хотя формально все обитаемые островки были объединены в общее поселение под названием Острова. А какое же еще

название можно было дать в этом случае? Название было по существу...

Таких хуторов в этом полесском краю было немало, а сам край имел еще одно название — уже не официальное, а народное, выстраданное, которое, если разобраться, всегда бывает точнее, правильнее официального, да и запоминается накрепко — так, что передается из поколения в поколение. Край назывался Заболотье. Да и как еще можно было его назвать, когда болота здесь были повсюду, они окружали эту обширную местность с трех сторон, и посреди самой местности они также расстилались повсеместно, если не считать упомянутых островков? Только так — Заболотье, и никак иначе.

Правда, была еще и четвертая сторона, восточная, не такая болотистая, а, наоборот, поросшая березняком, осинником и сосняком, и она, эта четвертая сторона, соединяла Заболотье со всем остальным миром. В ту сторону вела даже грунтовая дорога, и если летом не было проливных дождей, а зимой ее не заносило снегом, то по ней без особых трудностей можно было добраться до ближнего села или даже до районного центра, а оттуда, в случае надобности, и куда-нибудь подалее.

Были, впрочем, дороги и в другие стороны, через болота. Хотя, конечно, в полном смысле их и нельзя было назвать дорогами. Какие уж там

дороги? Так, тайные тропы, где мощенные жердями, где и вовсе без жердей, но зато — с приметами, зная которые, можно было в случае крайней надобности перемещаться по таким тропам. Опасные это были пути, погибельные. Как говорится, лишний шаг влево, лишний шаг вправо, и... Но они были, они существовали испокон веку. И те, кто их знал, кто был знаком с приметами и указателями тех неверных дорог, случалось, ступали на них и уходили по ним в неведомые, почти погибельные болотные дебри. По тем же дорогам они приходили на Острова — если, конечно, не делали по нечаянности губительных шагов ни вправо, ни влево. А затем, если была нужда, возвращались по ним обратно в неведомую болотную полумглу...

...Итак, они пришли после полуночи. Из болот, по тайным тропам. Они скрывались в болотах, потому что где еще им было скрываться, коль они болотяныки? Болотная полумгла — самое подходящее место для таких людей. Они подошли к дому, стоявшему особняком на одном из болотных островков. Конечно же, они старались ступать тихо, не шуметь и вообще быть невидимыми. Все разбойники поступают именно так, когда хотят совершить злодейство. Но никто в этом мире не может не производить шума. Где-то хрустнет сухая ветка, где-то чавкнет под ногой болотная тряпина, ухнет болото, захлопает крыльями вспуг-

нутая птица, залает собака на хуторе... Пока этот мир жив, он всегда будет наполнен всяческими звуками, и ничего с этим поделать невозможно.

В доме обитали двое — муж и жена. Его звали Василем, ее — Горпиной. Они были молоды, поженились лишь полгода назад. Дом, в котором они поселились, достался им от прадеда Василия. Это был старый, но вполне еще крепкий дом, в нем можно было жить и надеяться на человеческое счастье. Время было за полночь, и потому Василий и Горпина уже спали.

— Кажется, кто-то идет... — испуганно подняв голову, сказала Горпина. — Какой-то шум... Василь, ты слышишь?

— Какой шум? — проснувшись, спросил Василь. — Никакого шума... Вроде все тихо...

— Ну как же! — все тем же испуганным голосом возразила Горпина. — Шум... Будто бы чьи-то шаги... Вот птица закричала и захлопала крыльями... Не иначе, спугнул кто-то птицу!

— Может, какой-нибудь зверь, — неуверенно предположил Василь. — Или ветер...

— А если это они?

— Кто они? — переспросил Василь, хотя и переспрашивать ему было не нужно, так как он знал ответ на вопрос супруги.

— Те, кто на болотах, — полушепотом пояснила Горпина. — Болотяныки. От Перемоги... Люди говорят, что они, которые от Перемоги, каждую

ночь приходят на какой-нибудь хутор. У кого-то забирают все харчи, а кого-то и убивают... Ты же слышал про Пилипчуков, которых убили позапрошлой ночью? Всех убили — даже детей. Даже старого деда Трохима... Сказали, что их послал Перемога. Убили, а дом и все хозяйство — сожгли.

— Так то — Пилипчуки, — неуверенно возразил Василь. — Петро Пилипчук — он ведь кем был? Он был секретарем в сельсовете. А нас-то за что убивать этому Перемоге? Мы сами по себе...

— Но ведь и тебе тот же Пилипчук предлагал работу! — в голосе Горпины послышалось отчаяние. — Заведовать пекарней в Березичах. Бросай, говорит, свой хутор и перебирайся в Березичи. Там и народу больше, и работа для тебя имеется...

— Так я ведь не сказал «да», — пожал плечами Василь. — Сказал, что подумаю...

— Думаешь, они будут разбираться, что ты сказал, а чего не сказал? — Горпина, казалось, вот-вот готова была разрыдаться. — Возьмут и убьют, как Пилипчука. И меня заодно. А дом — сожгут. Перемога — он человек страшный! Скольких он уже убил! Не он, так по его приказу! Разве мало люди говорят про этого Перемогу...

— Ну... — неопределенно произнес Василь, встал и приник к окошку, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме за тусклым

стеклом. — Кажется, никого там нет. Да и тихо. Говорю же, зверь. Вот птица и испугалась.

— Какие такие звери могут ходить по нашим болотам? — печально спросила Горпина. — Разве только двуногие...

Василь хотел что-то сказать в ответ, но в это время во дворе залаяла собака. Причем не от собачьей скуки, а так, будто к дому подходит кто-то чужой. Очень скоро злобный собачий лай сменился отчаянным визгом, а затем и визг умолк. И тут же в дверь постучали. Стук был громким, уверенным. Так обычно стучат люди, пришедшие с недобрыми намерениями.

— Василь... — прошептала Горпина.

— Оденься! — коротко произнес Василь. Сам он также накинул на себя второпях какую-то одежду, которую нащупал в темноте, и подошел к двери: — Кто там? Что надо?

— А вот мы сейчас тебе объясним, кто мы и что нам надо! — ответил мужской голос по ту сторону двери. — Открывай, иначе выломаем дверь! Или — подожжем дом. Вместе с тобой. Как тебе больше нравится — с тобой или без тебя?

— Носят вас черти за полночь! — проворчал Василь и отпер дверь. Ну а что ему оставалось делать?

В темном проеме распахнутой двери возникли человеческие силуэты. Кажется, их было четыре.

Может быть, за их спинами таился еще кто-то, но в темноте разобрать было невозможно.

— Кто в доме? — спросил один из неизвестных.

— Я и жена, — ответил Василь.

— А кто-нибудь лишний имеется? — спросил человек.

— Имеется, — зло произнес Василий. — Вы вот объявились...

— Никак угрожаешь? — хмыкнул неизвестный. Хмыканье это, сдается, было вполне беззлобным, так что Василь даже слегка приободрился: авось на этот раз пронесет.

— Да уж какие тут угрозы? — уныло произнес Василь. — Говорю то, что есть.

— Мы — не лишние, — все тем же беззлобным голосом произнес человек. — Мы — долгожданные гости. В любом доме. На любом хуторе. Разве не так? Или, может, ты ждал кого-то другого? Например, москалей? Так ты так и скажи. И тогда нам сразу же все станет понятно...

— Никого я не ждал! — буркнул Василь. — Тем более москалей!

— А тогда принимай гостей! — велел все тот же голос. — Да зажги свет! А то ведь лоб себе расшибешь у вас в потемках!

— А не боитесь — при свете? — не удержался Василь от вопроса, который, по сути, и не был-то

нужен, так как неизвестно было, как к нему отнесутся незваные ночные пришельцы.

— А кого нам бояться? — голос из тьмы не рассердился, а, наоборот, даже рассмеялся от такого вопроса. — Тебя, что ли? Или, может, ты думаешь, что на свет огонька к тебе тотчас же сбегутся людишки из соседних хуторов? Кто это, мол, гостит в такое позднее время у Василя Гнатюка? Так ведь не сбегутся! Каждый сейчас сидит в своей хате, как те звери в норах! Хоть тебя убивай, а все равно никто не прибежит! Потому что — убивают не его, а тебя! У москалей есть такое слово — психология! Вот это она и есть! Ну так зажигай свет!

Тускло загорелась керосиновая лампа, и в ее свете Василь разглядел ночных гостей. Их было четверо, и все они были при оружии. Трое из них Василю были незнакомы, а вот четвертого он знал. Его звали Стась, и он был каким-то дальним родственником Василя. А родственника, хоть и дальнего, как не признаешь? Правда, видел его Василь уже давно, еще до войны, и вот теперь, когда война окончилась уже почти как три месяца назад, они встретились вновь. У Стася сызмальства было прозвище — Улыбка. И все из-за выражения его лица: казалось, он постоянно усмехается, причем усмешка эта была совсем не злой, а, наоборот, озорной и какой-то по-мальчишечьи беззаботной. А может, он и вправду все время усмехался — как

знать? Бывают такие люди, которые и вправду все время улыбаются. Добрые они или злые, весело им или грустно, болит что-нибудь у них или не болит, а они все равно улыбаются. Вот и Стась, наверно, был из таких.

— Вижу, признал родственничка? — улыбаясь, спросил Стась у Василя.

— Признал... — неохотно ответил Василь. — Только вот говорили, что ты в тюрьмах... И что тебя убили...

— Как видишь, я живой, — беззаботно ответил Стась. — И — на воле. Умный человек всегда выкрутится из беды! А я человек умный... Значит, говоришь, признал, что я это и вправду я, а не кто-то другой?

— Говорю же, признал! — ответил Василь. — Тебя да не признаешь. Одна твоя улыбка чего стоит.

— Что ж, тем лучше. Потому как и разговор у нас предстоит родственный. Так сказать, по душам. О, а это кто же такая? — все с той же улыбкой глянул Стась на Горпину. — Неужто жена? Ну, ты молодец, родственник! Вот ведь какую панночку себе отыскал среди этих болот, будь они прокляты! Одобряю! Даже, можно сказать, завидую!

Он подошел к Горпине совсем близко, с усмешкой осмотрел ее с головы до ног, а затем двумя пальцами тронул ее за подбородок.

— Не лапай! — мрачно произнес Василь и встал между Стасем и Горпиной.

— А то что? — прищурился Стась. — Неужто вцепишься мне в горло? А дотянешься? Ну-ну, не зыркай! Не стану я трогать твою панночку. И они, — он оглянулся на своих спутников, — тоже не станут. Если, конечно, мы с тобой по-родственному сговоримся. Ну а если не сговоримся, тогда — что ж... Как говорят москали, возможны последствия. Хорошие все-таки выражения встречаются у этих собак-москалей! Грамотные! Уважаю грамоту! Мне бы, по-хорошему, не комаров кормить в этих окаянных болотах, а нацепить на нос очки и сидеть где-нибудь в кабинете — вот такой я человек! Но ничего, может, когда-нибудь я и сяду в том кабинете. Когда победим. Как ты считаешь, родственник, скоро мы победим?

— Если без тебя, то нескоро, — мрачно ответил Василь. — А с тобой так прямо-таки послезавтра.

Стась, услышав такие слова от Василя, беззлобно рассмеялся. Улыбнулись даже трое молчаливых и мрачных его спутников.

— Я тоже так считаю, — смеясь, сказал Стась. — Со мной — это быстро. Так что скоро победим. А потому — давай-ка мы присядем вот на эту лавку и побеседуем.

— Нам что же, есть о чем беседовать? — все так же мрачно поинтересовался Василь.

— Ну, у умных людей всегда найдутся общие темы для разговора! — махнул рукой Стась. — Так вот, родственничек. Значит, говоришь, покойный Пилипчук уговаривал тебя перебраться в Березичи? Предлагал хорошую работу... Хлебную работенку прямо-таки во всех смыслах. Москалей нашим хлебушком кормить. Ну и себя с твоей панночкой заодно. Себя и ее — это, конечно, правильно: времена нынче голодные. А вот кормить москалей — это, наоборот, неправильно. За такое нехорошее дело рано или поздно придется отвечать. Вот, скажем, Пилипчук — он уже ответил...

— А ты откуда знаешь, что мне предлагал Пилипчук? — удивленно спросил Василь.

— Ну что за вопрос? — С губ Стася не сходила усмешка. — Знаю вот... Мы всё знаем. И даже чуть-чуть больше, чем всё. Не в этом дело. А в том, что когда мы об этом узнали, то у нас возник по поводу тебя спор. Образовалась проблема, как говорят москали. Одни из наших сказали, что тебя, а заодно и твою кралю нужно немедленно убить, а хутор — сжечь. Потому что разве это дело — кормить москалей нашим хлебушком? Правильный украинец, дорогой ты мой родственничек, так не поступает. Ну а коль он неправильный, как, скажем, тот же покойный Пилипчук — так о чем и говорить? Пиф-паф, и все дела...

Василь слушал эти слова молча, с каменным выражением лица. Горпина, наоборот, испуганно вскрикнула.

— Да-да, именно так, — покосившись на Горпину, сказал Стась. — А иначе как? Иначе никак. Москали — наши враги, и тот, кто их кормит хлебушком, тоже наш враг. А врагов мы убиваем.

Он помолчал, явно выдерживая психологическую паузу, а затем продолжил:

— И убили бы тебя! Точно — убили бы! Как того же Пилипчука и еще многих... Не случись тут я. Это какой же, спрашиваю, Василь Гнатюк? А такой-то и такой-то, отвечают мне. Э, говорю я, так он вроде мне дальний родственник! И что с того, отвечают мне? Родственник или не родственник, а коль проданся москалям, то награда одна! И это, говорят, даже не наши слова, а так говорит Перемога! А Перемога наш командир! Он наш отец! А, значит, напрасно не скажет. Так-то оно так, отвечаю, а только вы все равно погодите. Убить — это дело простое, это мы всегда успеем. А вот я прежде поговорю с ним по-родственному. Это о чем же, спрашивают меня мои братья-друзья? А вот о чем, отвечаю... И изложил им свой план. А что, говорят, это дело! Попробуй. А только если он не согласится, тогда, конечно, поступай так, как оно и полагается. И как велит наш командир Перемога. А еще, говорят они, жинка у того Василя Гнатюка очень пригожая! Так что прежде

чем их порешить... Ну, тут и без моих объяснений все понятно. И вот я здесь, и со мной — мои братья-товарищи. И все будет зависеть от нашего разговора.

— И о чем разговор? — после молчания спросил Василь.

— О твоей хлебной должности, — сказал Стась. — Той, которую предлагал тебе покойный Пилипчук.

— Так я же не согласился! — с отчаяньем в голосе произнес Василь. — Я сказал, что подумаю! Подумать — это не значит согласиться!

— А ты не думай, — спокойно сказал Стась. — Ты соглашайся.

— Это как же так? — не понял Василь.

— А вот так, — дурашливая ребячья улыбка не сходила с лица Стася. — Соглашайся, и все тут. Без промедления. Бери свою кралечку в охапку и беги с нею в Березичи. И начинай кормить москалей хлебушком. Да хорошо начинай, усердно! Так, чтобы они были рады-радехоньки и не захотели тебя оттуда выгнать!

— Это почему же так? — не мог понять Василь, чего от него хотят незваные гости.

— А потому, что ты нам еще понадобишься, — пояснил Стась. — Именно как заведующий пекарней.

— Что, красть хлеб и переправлять его вам? — спросил Василь.

— Красть — слово неправильное, — наставительно произнес Стась. — Это — наш хлебушек. Разве можно красть у самого себя? А в остальном ты прав. Нас — много, и нам нужен хлеб.

— Но ведь меня поймают! — тоскливо произнес Василь.

— Ну, когда это еще будет! — беспечно махнул рукой Стась. — А то, может, и вовсе не поймают. Если все будешь делать с умом. Да ты не опасайся, мы всему, что нужно, научим!

— Значит, снабжать вас хлебом... — в раздумье проговорил Василь.

— Им, родимым! — подтвердил Стась. — До поры до времени...

— Это как же? — глянул на него Василь.

— А вот это ты узнаешь в свое время! — Голос Стася стал отчетливым и жестким, хотя усмешка все так же не сходила с его лица. — Для начала тебе хватит и того, что я сказал. Ну, так как же, дорогой родственничек? Ты согласен помочь нашей борьбе за самостоятельную Украину?

— Мне надо подумать, — после молчания сказал Василь.

— Э, нет! — решительно произнес Стась. — Тут — никаких раздумий. Или «да», или «нет». Лучше, конечно, тебе сказать «да». Потому что если «нет»... — Стась встал со скамьи и вновь подошел к Горпине. — Нет, и вправду жинка

у тебя чудо как хороша! Какие плечи! А грудь! Ух! Да и жизнь у тебя, родственничек, как ни думай, а одна. Равно как и у твоей жинки. Так что не до размышлений.

— Черт вас принес! — в сердцах сказал Василь. — Жил себе и жил... Нате вам, приперлись!

— Так ведь — святая битва! — спокойно возразил Стась. — А ты хочешь остаться в стороне... Так нельзя! Сегодня долг каждого честного украинца... — он не договорил и в упор глянул на Василя: — Ну, так как?

— И что мне делать? — спросил Василь.

— Вот это уже похоже на слова честного украинца! — Улыбка Стася вновь стала дурашливой и ребячьей. — К чему сомнения и терзания, когда перед нами — святая цель? Ты спрашиваешь, что тебе делать? Перво-наперво — вот тебе бумажка и карандаш. — Стась полез за пазуху и вытащил оттуда клочок серой бумаги и огрызок карандаша. — Я буду диктовать, а ты пиши.

— Что писать? — не понял Василь.

— Пиши. Я, Василь Семенович Гнатюк, обязуюсь добровольно помогать украинской повстанческой армии в ее борьбе против москалей и коммунистов за самостоятельную Украину... Пиши, что ты на меня уставился? А ты думал как? Мы, конечно, поверим тебе на слово, но бумажка — она тоже имеет свою цену. Еще какую! Если ты будешь знать, что на свете существует такая бумажка, то,

я так думаю, к москалям ты не переметнешься. Потому что если ты побежишь к москалям, то мы им эту бумажку покажем!.. И знаешь, что они с тобой сделают, когда прочитают эту бумажку? С тобой, а заодно и с твоей жинкой? Вижу, догадываешься... Написал? Пиши дальше. В целях конспирации избираю себе прозвище... придумай сам какое-нибудь прозвище...

— Это еще зачем? — удивился Василь.

— Так полагается, — пояснил Стась. — У нас у всех прозвища. Мы-то и по именам друг друга не знаем, а только по прозвищам.

— И у тебя тоже есть прозвище? — спросил Василь.

— И у меня.

— Какое?

— Не твое дело. Ты думай над своим.

— Косарь, — после короткого размышления сказал Василь. — Люблю косить сено по болотам.

— Ну, пускай будет Косарь... Значит, пиши: в целях конспирации избираю себе прозвище Косарь. Написал? А теперь — поставь сегодняшнее число и год. Какое сегодня число?

— Уже первое августа, — припомнил Василь.

— Вот так и пиши: первое августа, тысяча девятьсот сорок пятого года. И поставь свою подпись. Все написал?

Стась взял исписанную бумажку, подошел ближе к лампе и стал ее внимательно читать.